

Иванова Ольга Эрнстовна

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья раскрывает особенности решения проблемы смысла (порождения и понимания) в научной коммуникации. Автор выявляет начало (источник) смысла, сущность и особенности процесса образования и понимания смысла. Процессно-ориентированный подход к смыслу предполагает отсутствие изначальной данности смысла, его когерентность коммуникации, вариативную множественность. Идея когерентности смысла научной коммуникации позволила определить пределы смысла, выявить принципиальные возможности получения достоверных ответов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

капитаном грузового корабля на Черном море. Одновременно он готовился к сдаче экзамена на прапорщика военного флота и выдержал этот экзамен в 1900 году. А еще через год ему удалось выдержать испытание по программе полного курса морского корпуса. После этого его в чине поручика прикомандировали к Главному гидрографическому управлению [3, с. 2].

Таким образом, несмотря на существование проблем в прохождении учебных сборов моряками торгового флота в Российской империи в конце XIX – начале XX века, система обучения последних для зачисления их прапорщиками и поручиками запаса флота функционировала. Вне всякого сомнения, система отличалась несовершенством и не могла в полной мере обеспечить квалифицированными кадрами военно-морской флот.

Список литературы

1. Вальдемар Х. О мнимых препятствиях к развитию нашего торгового флота преимущественно на Балтийском море // Морской сборник. СПб.: Типография морского министерства, 1861. Т. LI. № 4.
2. Лухманов Д. А. Торговые моряки в военно-морской службе // Русское судоходство: ежемесячный журнал императорского общества судоходства. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1904. № 7 (267). С. 69-73.
3. Лыкошин Б. А. Георгий Седов. Ростов-на-Дону, 1977. 11 с.
4. Мореходное образование в России и мореходные классы СПб. речного яхт-клуба: сообщение В. Л. Иванова от 14 февраля 1897 г. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1897.
5. О подведомственности мореходных классов: мнение морского министерства № 3279 от 27 февраля 1897 г. СПб., 1897.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 95. Оп. 18.
7. <http://genealogia.baltwillinfo.com/306/02.htm>

TRAINING SESSIONS OF MERCHANT SEAMEN OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Zuev Andrei Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
univerandrey@mail.ru

The author mentions the lack of the sufficient number of qualified personnel for the Navy in the Russian Empire at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, pays particular attention to the resolution of the issue of training sessions organization on the ships of the Navy, considers the general problems, which arose in the process of the merchant fleet command personnel training, and comes to the conclusion about the existence of the system of merchant ships seamen training for the enrollment as warrant officers and naval reserve lieutenants.

Key words and phrases: training sessions; nautical classes; merchant fleet; the Navy; captain; navigator.

УДК 165.24

Философские науки

Статья раскрывает особенности решения проблемы смысла (порождения и понимания) в научной коммуникации. Автор выявляет начало (источник) смысла, сущность и особенности процесса образования и понимания смысла. Процессно-ориентированный подход к смыслу предполагает отсутствие изначальной данности смысла, его когерентность коммуникации, вариативную множественность. Идея когерентности смысла научной коммуникации позволила определить пределы смысла, выявить принципиальные возможности получения достоверных ответов.

Ключевые слова и фразы: коммуникация; научная коммуникация; понимание смысла; проблема; смысл; смыслопорождение.

Иванова Ольга Эрнстовна, к. филос. н., доцент

Челябинский государственный педагогический университет (филиал) в г. Миассе
74oliva@list.ru

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ[©]

Одним из вариантов решения проблемы смысла (онто-гносеологического основания любой коммуникации при существующем многообразии ее определений и интерпретаций, когда смысл определяет коммуникацию, а также в случае, когда коммуникация как процесс влияет на смысл) в коммуникации является ее рассмотрение сквозь призму научной коммуникации. Указанное обращение в первую очередь обусловлено стремлением науки выработать и систематизировать объективные знания о действительности, включающие причинно-следственные связи между явлениями. Кроме того, это позволит выйти на некий «алгоритм»

решения проблемы смысла в коммуникации, обратиться к динамике ее развития, выявить границы применимости, критерии и принципиальные возможности получения достоверных ответов. В определенной степени наше исследовательское обращение коренится и в постпозитивизме К. Поппера, указавшего на наилучший способ изучения роста знания посредством изучения роста *научного* знания [8, с. 35].

Научно-коммуникативная тенденция прослеживается в постпозитивизме К. Поппера, обозначившего проблему социокультурного обоснования науки и отмечавшего, что истину, исходя только из самой науки, определить нельзя. В подобном же направлении, но под разным углом зрения развивают концепции Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани.

Несмотря на то, что проблема смысла в научной коммуникации не является предметом специального исследования К. Поппера, весьма полезны в содержательном плане его идеи относительно «научного знания» как знания объективного, кроме того, особого внимания заслуживает и методологический аспект решения вопросов.

Под *научной* коммуникацией следует понимать взаимодействие (диалогическое, интерактивное) относительно объективных теорий, объективных проблем и объективных рассуждений. Предметом научной коммуникации выступают проблемы, теории, рассуждения и аргументы как таковые, вне зависимости от ее субъектов. Иначе говоря, субъект-субъектность коммуникации не является ее особым признаком. В этом научная коммуникация сближается с коммуникацией (в т.ч. обыденной) в сетевом коммуникационном континууме, с тем лишь принципиальным различием, что доминирующим фактором выступает проблема, а не сообщение, а, учитывая позицию М. Маклюэна, и не средство сообщения (коммуникации).

Проблема здесь определяется как особая форма передачи сообщения, содержащего противоречие, посредством которого осуществляется производство и понимание смысла. Научная коммуникация начинается с проблем: их постановки, попыток решения и обнаружения новых проблем. «Осознанной задачей, стоящей перед ученым, всегда является решение некоторой проблемы с помощью построения теории, которая решает эту проблему путем, например, объяснения неожиданных или ранее не объясненных наблюдений. Вместе с тем каждая интересная новая теория порождает новые проблемы – проблемы согласования ее с имеющимися теориями, проблемы, связанные с проведением новых и ранее не мыслимых проверок наблюдением. И ее плодотворность оценивается главным образом по тем новым проблемам, которые она порождает» [9, с. 336]. В этом проявляется кругообразный характер научной коммуникации как мира проблемных ситуаций, константно подлежащих открытию и решению. Открытость проблем определяет открытость научной коммуникации. Решение проблем есть репрезентативность обратной связи в научной коммуникации.

Проблема понимания смысла в научной коммуникации связана с существующими сложностями в достижении объективных показателей, учитывая, что научной деятельности, впрочем, как и любой другой, свойственны ошибки. «Мы постоянно делаем ошибки. Мы не можем достичь объективных стандартов – стандартов истины, содержания, обоснованности и др.», – признавал К. Поппер [7, с. 458].

Понимание смысла в научной коммуникации фундируется пониманием проблем, порождение смысла – обнаружением новых проблем. Сложности в решении проблемы смысла обусловлены не критическим принятием позиции смысла, при котором отсутствует поиск противоречий и, соответственно, их устранение. Соответственно, критика есть способ обнаружения ошибок в понимании смысла. Решение проблемы смысла в научной коммуникации можно связать с использованием критерия фальсифицируемости. Фальсификационизм не принимает исходного, изначального смысла, поскольку даже его временное признание – уже риск, смысл должен быть постоянно открыт для критики. Только тот смысл достоин серьезного рассмотрения, который можно опровергнуть, используя при опровержениях в том числе и эмпирические свидетельства.

Коммуникация является некоей средой (континуумом), создающей возможности реализации позиции «погрешимости» смысла. Так, использование языка как средства коммуникации, «определенным образом обогащенного», в границах которого «становится возможным существование критического рассуждения и знания в объективном смысле» [10, с. 123], является условием понимания смысла.

Согласно выдвинутому К. Поппером критерию эмпирического характера, высказывания или их системы «содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, или более точно – если их можно систематически проверять, то есть подвергнуть (в соответствии с некоторым “методологическим решением”) проверкам, результатом которых может быть их опровержение» [6, с. 238]. Из эмпирической посылки исходит понимание объективности, противопоставление объекта субъекту познания. Однако стоит обратить внимание на принципиальную обращенность информации к *эмпирическому* миру, исключая, таким образом, из научной коммуникации иное, выходящее за его пределы.

Между тем «чистая» научная коммуникация, как и объективность, оказываются принципиально невозможными, поскольку достаточно сложно иметь дело с кристаллизованным процессом, исключаящим вне-научные ценности. Попытка Поппера построить бессубъектную эпистемологию не снимает вопроса о существенной роли субъекта в построении и понимании смысла в коммуникации.

Попперовской «объективности» научной коммуникации противостоит ее «субъективность» М. Полани, представляя некий «сплав личного и объективного». Исследуя природу научного знания, Полани пересматривает понятие «знание», предлагая в качестве идеала знания «личностное знание» и расширяя, таким образом, понятие объективности. Личностное знание, предполагающее «личное участие познающего человека в актах понимания», но не сводящееся к субъективному пониманию, представлено М. Полани с претензией на объективность, поскольку оно «позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт,

определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» [5, с. 19].

Объективизируя субъективное знание, Полани ставит в центр внимания человека, предлагая реальность соотносить с ним, а не с абстракциями. Неявное (скрытое, имплицитное) знание присутствует и в производстве, и понимании смысла; не поддающееся формализации, оно является необходимым его условием, находясь с ним в отношении дополнительности. Эмпирическую основу неявного знания составляют неосознанные ощущения, пропускаемые сквозь призму своей уникальности и детерминирующие апелляцию к определенным фактам при построении доказательств тех или иных положений (или их критики). Следовательно, уникальность информации, получаемой с помощью органов чувств, указывает на личностный характер производимого и понимаемого в коммуникации смысла, содержательно всегда являющегося носителем неявного знания. Наблюдая за чтением одного и того же текста несколькими людьми (включая и самого автора), можно заметить, насколько различаются смысловые оттенки, проявляясь в особенностях расстановки пауз, интонаций и т.д. Смысл одного и того же лекционного материала, представленного в аудиальной (или аудиовизуальной) форме, по-разному воспринимается и формализуется различными его интерпретаторами. Проводимый студентами анализ философских текстов по заданному алгоритму (выявление центральной и периферийных идей, реконструкция различных этапов рассуждений, выявление трудных центрированных и идей, определение достоинства и уязвимости концепции, области философии, в которой разворачивается данная идея) проявляет личностное знание. Различается «набор» понятий (эссенциально и количественно), определяемых как трудные, имеются разночтения в оценке достоинства и уязвимости концепции, отсутствует идентичность и при выявлении главной и второстепенной идей и их формулировке. Понимание смысла в научной коммуникации всегда будет «чьим-то», производимый в научной коммуникации смысл будет с неизбежностью производимым «кем-то».

С учетом указанного следует прояснить контекст и границы применимости личностного знания как определяемые его автором (познающим субъектом). Кроме того, имплицитное знание проявляется и в формально-логическом представлении смысла, выражаясь в последовательности, определенности, обоснованности суждений или проявляясь в суждениях, не соответствующих правилам вывода, некорректности вывода относительно посылок.

Учитывая результаты исследований авторитетной в данной области компании *IDC* (International Data Corporation), согласно которым информация в мире удваивается каждые два года [12], избыток информации, получаемой с помощью органов чувств, может войти в противоречие с относительно неизменными способами и скоростью ее обработки. Следовательно, неявное знание определит понимание/непонимание смысла в научной коммуникации сетевого континуума.

Различие между «объективностью» и «субъективностью» в научной коммуникации просматривается у М. Полани уже на понятийном уровне. Введенное в научный оборот понятие «научное сообщество» (мыслимое как *со-общество*) коммуникативно по природе, в том числе и по причине репрезентации в научной коммуникации коллективного субъекта смысла. Такой субъект порождает, понимает, критикует и оценивает смысл, являющийся результатом научно-исследовательской коммуникативной работы.

Научное сообщество складывается из людей, признанных учеными официально, каждый член которого признает в качестве ученых тех, кем он признается ученым, получая, в конечном счете, признание со стороны остальных. Поскольку каждый член научного сообщества «оказывается прямо или косвенно признанным всеми», то эти отношения определяют «связи, транслирующие (уже из вторых рук) взаимопризнание по всему сообществу» [5, с. 235]. Таким образом, критерием научности в коммуникации является «организованное согласие ученых».

Производство смысла в научной коммуникации опирается на личный опыт участников такого сообщества. «Осмысление опыта, – признает М. Полани, – особое умение, предполагающее личный вклад ученого в то знание, которое он получает. Оно включает в себя искусство измерения, искусство наблюдения, позволяющие создавать научные классификации» [Там же, с. 95]. Возникающие противоречия основываются на различных способах научного видения смысла, различных научных ценностях, а также вненаучных интересах исследователей, выходящих за пределы определенного научного сообщества. Границы смысла в научной коммуникации определяются пределами научного сообщества, участники которого разделяют общий смысл посредством языка. Понимание смысла невозможно без учета личностного знания как необходимого элемента научного знания. Понимание смысла как элемента целого возможно только при понимании самого целого, включающего объективное и субъективное знание.

Проблема границ в определении смысла в научной коммуникации обозначена И. Лакатосом, который предлагает отказаться от идеи бесконечного уточнения смысла. На примере диалогической реконструкции стереометрической теоремы (Эйлера) о соотношении между числами сторон, вершин и граней многогранника, когда при обсуждении правильности обсуждаемых доказательств, по сути, ученики допускают те же ошибки, свойственные реальным математикам XIX века, Лакатос указывает на неизбежные сложности в понимании смысла, возникающие при расширении понятий. «Почему не принять, что наша способность уточнять смысл наших выражений ничтожна и поэтому наша способность доказывать тоже ничтожна? Если вы хотите, чтобы математика имела смысл, то вы должны избавиться от достоверности. Если вы хотите достоверности, избавьтесь от смысла. Вы не можете иметь и то, и другое. Тарабарщина безопасна от опровержений, имеющие смысл предложения могут быть опровергнуты расширением

понятий» [4, с. 142]. С определенной сущностной долей, эта позиция напоминает представление о «грубом эмпирическом факте» при доказательстве существования Бога.

На идею коммуникации в деятельности ученого, при определении проблемы обоснования науки, обратил внимание Т. Кун, указавший на целесообразность рассматривать ученого в совокупности с его ценностными суждениями как сущностью человечности. Т. Кун допускает общность (разделяемость) ценностей, однако предупреждает, что их признание еще не является условием их одинакового применения: «конкретное применение ценностей иногда сильно зависит от особенностей личности и биографий, которые отличают друг от друга членов научной группы» [3, с. 238]. Это, выражаясь языком М. Полани, и есть «неявное знание», определяющее особенности порождения и понимания смысла в коммуникации.

Несмотря на отсутствие у Т. Куна понятия «научная коммуникация», автором используется его смысловое созвучие – «профессиональная коммуникация», под которой понимается коммуникация между членами научного сообщества. В пределах профессиональной коммуникации выделяется «относительно полная коммуникация», возникающая в тех научных сообществах, члены которых разделяют предмет исследования, и «затруднительная», в которой внимание исследователей рассредоточено на различных предметах исследования. Результатом указанных видов профессиональной коммуникации может являться, соответственно, как единодушие в суждениях, так и непонимание, и, возможно, последующее непредвиденное расхождение во взглядах коммуникантов.

Таким образом, взгляд на проблему смысла в научной коммуникации в свете идей К. Поппера, М. Полани, И. Лакатоса, Т. Куна позволил выявить сущность научной коммуникации, особенности производства и понимания смысла и его границы в научной коммуникации. Однако разделение общей идеи фундирования начала смысла в научной коммуникации обнаружением проблем, влиянием личностного знания еще не «снимает» вопроса о сущности самого процесса («механизма») порождения (построения) смысла.

В этой связи целесообразно рассмотреть проблему смысла в научной коммуникации сквозь призму конструктивистского направления в эпистемологии как реализующего процессно-ориентированный подход. В частности, Зигфрид Й. Шмидт предлагает охарактеризовать применяемый конструктивистами метод как переход от бытия/субстанций/идентичностей к действиям и процессам, из которых происходят так называемые результаты бытия. Указанный переход от изучения объектов к процессам предполагает рассмотрение процессов как основы возникновения реальности [15, р. 37-41].

В настоящее время с понятием «конструктивизм» (от лат. *constructivus* – связанный с построением, конструированием) связывают направление в искусстве, абстрактных науках, социально-гуманитарном знании. В философском смысле конструктивизм как идею и направление отличает универалистский подход к миру, человеку и познанию, осмысливающий и синтезирующий идеи, характерные для математики, логики, естественных и гуманитарных наук, – отмечает И. Т. Касавин. В первую очередь это – «направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений. Из этого следует, что в рамках философии вообще конструктивизм подчеркивает конструктивность всякой познавательной деятельности» [1, с. 65]. Признавая специфику конструктивизма разных направлений, мы выделяем его сущностное ядро как эпистемологический подход, сводящийся к построению знаний познающим субъектом, позволяющий учитывать ценность коммуникации (взаимодействия с человеком и миром) в преобразовании действительности. Стоит обратить внимание на основополагающую роль понятия конструкции, из чего следует активный характер познания и восприятия.

Базируясь на основных программных положениях Э. фон Глазерсфельда, А. Риглера, С. Шмидта, осмыслении конструктивизма в отечественной мысли, сформулируем принципиальные позиции, определяющие особенности порождения смысла в коммуникации.

Смысл не есть изначальная данность, существующая как в виде «врожденной идеи», так и приобретаемая посредством органов чувств. Его невозможно обнаружить в познавательной деятельности в коммуникации рациональным или сенситивным способом. Смысл есть результат активного конструирования познающим субъектом через мысли и действия. В этом конструировании смысла субъект проявляет неявное (личностное) знание. Э. фон Глазерсфельд подчеркивает момент конструирования человеком личного смысла как феномена «частного языка» [13]. Следовательно, ответственность за конструирование и сущность такого смысла признается за субъектом.

Сконструировать смысл – значит совместно построить его в нелинейной ситуации диалога в научной коммуникации («научном сообществе»). Райво Пальмару концептуализирует «смысл» как явление, развивающееся в коммуникации [14]. На смысл как результат конструкции влияют особенности научной коммуникации, отношения между членами научного сообщества, между научным сообществом и иными структурами общества (политическими, экономическими, культурными). Это предполагает отказ от *поиска* объективного смысла (мы не можем *познать* объективный смысл, но мы можем сконструировать его), существующего вне пределов определенного научного сообщества в определенное время.

Смысл является когерентно целым особенностям коммуникации, поскольку проявляет ее особенности. «Факт, значение, смысл сосуществуют в сложной, плотно переплетенной ткани вечно продолжающегося процесса неабстрагированного интерпретативного понимания» [11, р. 33].

Учитывая, что конструктивизм отрицает единственность знания и методологическую единственность, рассматривая «свою позицию вероятным способом решения проблемы субъекта и объекта познания, познания

и окружающего мира» [2, с. 147], смысл не является единственным и устоявшимся, существует только вероятность его производства. «Истинного» смысла, с точки зрения конструктивизма, не существует априори. Конструктивистский подход заменяет «истинность» смысла в коммуникации на его «жизнеспособность»: смысл имеет тенденцию приспосабливаться к изменяющейся среде коммуникации (коммуникационному континууму), демонстрируя позицию плюрализма (множественности) истины, присущей постмодернизму. «Истинным» является жизнеспособный смысл, разделяемый в настоящий момент членами научного сообщества. Понимание смысла необходимо субъекту для его ориентации в мире, поддержки его жизнеспособности. Понимая смысл, субъект не открывает для себя онтологическую реальность, а обретает «точку опоры» для ориентации в мире посредством организации мира опыта.

Следовательно, для производства и осуществления смысла в коммуникации необходимо создать определенные условия, соответствующие требованиям конструктивной деятельности и позволяющие реализовать целеполагание, обоснование и творчество (ключевые понятия, выявленные И. Т. Касавиным при характеристике современного конструктивизма) [1, с. 71].

Коротко говоря, смысл есть конструкт, произведенный познающим субъектом в коммуникации и когерентный ей, с характерной для него вариативной множественностью.

Таким образом, рассмотрение проблемы смысла в свете научной коммуникации позволило выявить следующее. Изначального смысла не существует, его источником выступает проблема, решение которой «запускает» механизм образования смысла, проявляющийся в его производстве (конструировании) и понимании в пределах научного *со-общества* – репрезентанта коллективного субъекта смысла, опирающегося на личный опыт его участников.

Список литературы

1. **Касавин И. Т.** Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. С. 63-72.
2. **Князева Е. Н.** Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. М.: ИФРАН, 2006. Вып. 12. Феномен сознания. С. 133-152.
3. **Кун Т.** Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
4. **Лакатос И.** Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / пер. с англ. И. Н. Веселовского. М.: Наука, 1967. 152 с.
5. **Полани М.** Личностное знание. На пути к посткритической философии / общ. ред. А. В. Лекторского, В. И. Аршинова; пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.
6. **Поппер К.** Критерий эмпирического характера теоретических систем // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 236-239.
7. **Поппер К.** Объективное знание. Эволюционный подход // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 439-557.
8. **Поппер К.** Предисловие к первому английскому изданию 1959 года // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 34-45.
9. **Поппер К.** Предположения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 240-378.
10. **Поппер К.** Эпистемология без познающего субъекта // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 108-127.
11. **Delia J. G., Grossberg L.** Interpretation and Evidence // Western Journal of Speech Communication. 1977. Vol. 41. P. 32-42.
12. **Digital Universe** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emc.com/leadership/programs/digital-universe.htm> (дата обращения: 10.09.2012).
13. **Kenny V.** Continuous Dialogues III: Processes of Construction. Ernst von Glasersfeld's Answers to a Wide Variety of Questions on the Oikos Web Site 1997–2010 // Constructivist Foundations. 2012. Vol. 7 (3). P. 208-221.
14. **Palmaru R.** Making Sense and Meaning: on the Role of Communication and Culture in the Reproduction of Social Systems // Constructivist Foundations. 2012. Vol. 8 (1). P. 63-75.
15. **Schmidt S. J.** From Objects to Processes: a Proposal to Rewrite Radical Constructivism // Constructivist Foundations. 2011. Vol. 7 (1). P. 37-47.

PROBLEM OF MEANING IN SCIENTIFIC COMMUNICATION

Ivanova Ol'ga Ernstovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Chelyabinsk State Pedagogical University (Branch) in Miass
74oliva@list.ru

The author considers the features of the solution of the problem of meaning (creation and understanding) in scientific communication, and reveals the origin (source) of meaning, the essence and features of the process of meaning formation and understanding. Process-oriented approach to meaning implies the absence of the original given of meaning, its coherence with communication, variative multiplicity. The idea of scientific communication meaning coherence allows determining the limits of meaning, revealing the principal possibilities of obtaining reliable answers.

Key words and phrases: communication; scientific communication; understanding meaning; problem; meaning; creation of meaning.